

DOI: 10.22363/2224-7580-2025-3-17-29
EDN: FYIUHT

ЕСТЬ ЛИ У ЯЗЫКА СВОЯ ТАЙНА?

Т.Е. Владимирова*

*Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

Аннотация. В центре внимания настоящей статьи поиск ответа на извечный вопрос о тайне происхождения языка, который предполагает рассмотрение его глубинных пластов, а также культуры и метафизической реальности. Это потребовало обращения, с одной стороны, к методологии изучения первобытного сознания, мышления и мировосприятия, а с другой – к святоотеческой традиции, оказавшей огромное влияние на формирование культуры и русской языковой личности. Особое внимание в работе уделено новейшим исследованиям, которые приближают к разгадке этой многовековой тайны. Предпринятое изучение сакрального, историко-культурного и духовного контекста эволюции языка и метафизической реальности при опоре на данные антропологии, этнографии, археологии, палеопсихологии, палеокультурологии, лингвогенетики и теолингвистики приводит к заключению о плодотворности начавшегося перехода от антропоцентрической к теoантропокосмической парадигме, которая восстанавливает целостность духовной реальности, унаследованной с русским языком и культурой.

Ключевые слова: язык, культура, философия, реальность, Православие, духовный, эволюция

Введение

Сознавая тщетность разработки концепции, которая стала бы «алгеброй языка», известный датский структуралист Луи Ельмслев (1899–1965) в статье «Пролегомены к теории языка» (1943)¹ признался: «Временное ограничение кругозора было ценой, заплаченной за отторжение у языка его тайны» [1. С. 381]. Вместе с тем поставленный в ней вопрос, «не является ли язык не просто отражением явлений, но их воплощением – тем семенем, из которого они выросли», свидетельствует о близости автора к их решению [1. С. 264–265].

Что же касается фактически сформулированной автором гипотезы, то она вызвала большой интерес и повлекла за собой постановку еще одного вопроса: есть ли у языка и сложившейся в его пределах метафизической реальности своя тайна и в чём она заключается?

* E-mail: yusvlad@rambler.ru

¹ Английский перевод данной работы вышел в 1953 г.

Очевидно, что структуралистский подход, занимавшийся исследованием знаковых систем с целью выявления неосознаваемых структур и формально-логических характеристик языковой системы, не мог дать на него ответ, поскольку по укоренившейся традиции не замечал ни «человека, говорящего с другим человеком» (Э. Бенвенист), ни тех вечных вопросов и проблем, которые его волновали.

Более того, В. фон Гумбольдт (1767–1835) в своей фундаментальной работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (1820) пришел к заключению: «Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим» [2. С. 70].

Намеченное В. фон Гумбольдтом понимание языка как «внутреннего органа бытия человека» и своего рода надстройки над генетическим языком не было оценено ни современниками, ни последующими поколениями исследователей, поскольку ставило перед лингвистикой задачи, к решению которых в то время она была не готова. В итоге западноевропейская лингвистика становилась всё более абстрактной дисциплиной, постепенно удаляясь от библейской языковой картины мира, ее сущностных оснований и заповедей.

Тем не менее наука пришла, как писал Л. Ельмслев, «к признанию не только языковой системы в ее схеме и узусе, в ее всеобщности и ее индивидуальности, но также к признанию человека и человеческого общества, стоящих за языком, и всего мирового человеческого знания, добытого посредством языка. На этом этапе лингвистическая теория достигает той цели, к которой она стремилась: *humanitas et universitas*» [1. С. 381].

Приведенное латинское выражение, которым автор закончил свои «Прологомены к теории языка» и которое обычно переводится как «человечность и всеобщность» [3. С. 482], восходит к древнегреческим представлениям об идеале образованного человека, дополненным высказываниями Цицерона. При этом *humanitas* понимается как «человеческая природа», «человеколюбие», «гуманность», «добродота», «образованность», «духовная культура» и «утонченный вкус», а *universitas* – как «целость», «совокупность», «вселенная», «мир», «объединение», «коллектив», «корпорация» [3. 1047]. Следовательно, в середине прошлого века античное понимание человека оставалось значимым в сознании носителей западноевропейских языков и христианской культуры и, возможно, они чувствовали себя единым целым со Вселенной.

Параллельно с пониманием человека как «венца всего живущего» утвердилось индивидуалистическое отношение к культуре и миру, в котором человек преобразовывал окружающую его действительность, а язык воспринимался преимущественно как средство общения. Поэтому структуралистская исследовательская парадигма, сосредоточенная на изучении знаковых систем и неосознаваемых закономерностей, не принимала во внимание ни духовную сущность языка, ни его исторический путь и возникшую на его основе реальность, а следовательно, не могла приблизиться к разгадке его тайны.

Что же касается русской культуры, то в ней на некоторое время затухала, но благодаря языку как «внутреннему органу бытия человека» (В. фон

Гумбольдт) никогда не прерывалась связь с православным вероучением и евангельским отношением к слову. Более того, на фундаменте унаследованного коллективного способа бытия и «семейно-родовой общины» возникла особая форма соборности, объединяющая «свободу и единство многих лиц на основе совместной любви к одним и тем же абсолютным ценностям» (А.С. Хомяков) (цит. по: [4. С. 47]). В итоге принятое православное вероучение составило нравственный фундамент русского способа бытия и новое измерение реальности [1. С. 381].

В этом контексте обратим внимание также на тот факт, что еще Л.С. Выготский (1896–1934), разрабатывая «Культурно-историческую теорию» (1924–1934 гг.), исходил из невозможности объяснить высшие психические действия в рамках функционирования индивидуального мозга и вынес проблему в межиндивидуальную сферу, то есть в речь. Тем не менее на XVIII Международном психологическом конгрессе (1966) Н.И. Жинкин (1893–1979) заметил, что психология до сих пор изучала неговорящего человека, а языкознание – язык без говорящих людей (см. об этом в: [16. С. 102]).

Возвращаясь к структуралистским течениям (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев), ориентированным на анализ языка в рамках традиционной грамматики, заметим, что и его сторонники со временем были вынуждены принять «стремление лингвистов приблизиться к объяснительным стратегиям исследования языка» [5. С. 14], а значит, и к той тайне, о которой шла речь в «Пролегоменах к теории языка».

Язык и первобытный образ реальности

В процессе эволюции человека как мыслящего существа (*Homo sapiens*) развивались его ощущения и эмоция (боль, страх, раздражение, удовольствие, радость, восхищение и др.), которые стимулировали проявление экспрессивно-мимических, жестовых и собственно голосовых средств самовыражения. Поэтому рассмотрение генезиса языка и метафизической реальности способствует их осмыслению и, возможно, раскрытию заложенной в них тайны.

И здесь перед нами встает вопрос: *что же представлял собой человек и окружавшая его первобытная реальность?*

В поисках ответа обратимся к Э. Кассиреру (1874–1945) и его главному труду «Философии символических форм» (1923–1929), где он органично соединил собственно антропологический, философский, историко-культурный и психолингвистический подходы, чтобы раскрыть «метафизическую тайну происхождения языка», которая «проявляется постоянно и особенно отчетливо в языках первобытных народов» [6. С. 225]. Ведь человек, в отличие от обитателей животного мира, существует «не просто в более широкой реальности», но «как бы в новом измерении» благодаря ее образно-символическому выражению в слове.

Действительно, оказавшись в «символическом универсуме» языка, а следовательно, и в сакральном пространстве, человек уже ничего не мог видеть,

понимать и знать «без вмешательства этого искусственного посредника» [6. С. 46]. Поэтому реальный мир воспринимался как «директивы движения духа», а «язык как зеркало духа» [6. С. 41]. Вот как об этом писал сам автор: «Духовный синтез, объединение, осуществляющееся в слове, оказывается подобным гармонии космоса и выражает в себе наличие внутреннего „противоборства“ в этой гармонии» [6. С. 54].

Изучение первобытного синкретизма как целостного единства мировосприятия и мышления позволило проследить «движение духа» и исходящую из него «символическую функцию», которые изначально предопределяют сущностную доминанту сознания. При таком понимании культура предстает как процесс последовательного «самоосвобождения человека» от своего далекого прошлого, а язык – как «возможность построения собственного „идеального“ мира» [6. С. 133]. Ведь целостной духовной жизни «внутренне присуща изначально-творческая сила, а не только способность к воспроизведению. Она не просто пассивно запечатлевает налично-данное – в ней сокрыта самостийная энергия духа, придающая простому наличному бытию определенное „значение“, своеобразное идеальное содержание» [6. С. 15].

Вместе с тем, оценивая проблематику научных исследований, Э. Кассирер писал: «Современное языкознание все дальше уходило от попыток проникновения в первобытные времена, чтобы непосредственно подслушать тайну творения языка. Понятие „языкового корня“ становилось для языкознания уже не понятием исторической реалии, а всего лишь результатом грамматического анализа» [6. С. 15].

Обращает на себя внимание и предложенная им замена определения человека как «*animal rationale*» («разумное животное») на «*animal symbolicum*» («символическое животное»), поскольку оно соответствует «человеческой культурной жизни во всем ее богатстве и разнообразии» [7. С. 472]. В итоге термин *Homo symbolicum* утвердился в философской антропологии и философии культуры, а *Homo sapiens* («человек разумный») – в более широком контексте гуманитарных наук. В этой связи сошлемся на П.А. Флоренского, который писал, что «символичность и реальность не приставлены друг к другу, а составляют одно живое двуединство» [7. С. 279].

Изучению генезиса сознания и языка, а также синкретизма первобытной культуры посвящены работы **О.М. Фрейденберг** (1890–1955), наиболее полно изложенные в монографии «Миф и литература древности» (1998). Приступая к краткому рассмотрению представленной в ней концепции, приведем эпиграф к этой книге, который, как представляется, раскрывает и замысел данной статьи:

Возможно, что этому примера нет, как нет цветка в семени. И все же в семени есть неизбежность цветка (Рабиндранат Тагор).

На основании предпринятых исследований О.М. Фрейденберг пришла к заключению, что «первобытный человек обладал гораздо большим наследием, чем предполагали раньше». У него уже функционируют органы чувств и высшая нервная деятельность, развиваются условные и безусловные рефлексы, складываются необходимые для существования представления о

пространстве-времени, однако до понятийного мышления причинная связь еще не осознается [8. С. 18].

Обращает на себя внимание и отмеченный исследователем тот факт, что первобытное сознание, руководствуясь лишь воспроизведением накопленного опыта, отождествляет субъект и объект, слово и действие, мир одушевленный и неодушевленный, человека и природу. «В силу этой слитности общество, считающее себя природой, повторяет в своей повседневности жизнь этой самой природы», а унаследованный способ бытия, включая обряды, обычаи, праздники и игры, и тотемистический образ окружающей реальности, передается новым поколениям [8. С. 53 и др.].

При таком мировосприятии «космос представляется говорящим шумом ветра-воздуха, плеском воды, шелестом листьев», звучащее слово-Логос – «живым тотемом, живым и конкретным, который рождается и рождает <...> говорит деревьями, землей, животными, птицами, людьми, вещами». Более того, сознание «создает мифотворческое восприятие мира» и «строит окружающее антиреально, ареально», а «мышление не определяет предмет со стороны его признаков <...> и наделяет его образными, воображаемыми чертами» [8. С. 55].

Что же касается человека, то он в первобытной картине мира отсутствует, поскольку сознание его не замечает и, следовательно, не выделяет. Нет в этой картине и самой природы, так как «люди, природа, вещи – одно нераздельное целое». Отсутствует и умение различать свойственные предмету признаки и особенности, поэтому они наделяются «чертами, идущими мимо признаков предмета». Например: левый означает 'смерть', а правый – 'жизнь' [Там же.].

Лишь с распадом племенной эпохи появляются понятия рода и вождя, восходящие к одному тотему, а в сознании укореняется представление о двух мирах: небесном и земном, но «ничего третьего нет» [8. С. 110]. Когда же почитание тотемов-первопредков ушло в прошлое, вместе с ним постепенно исчезали мифологизм и мифотворчество. Однако унаследованные культовые таинства (сакрализация, жертвоприношение, инициация и др.) еще долго сохранялись в сознании, «но сакральность тем не менее осталась и пережила тысячелетия». Что же касается символизации, то в родовом обществе, как писала О.М. Фрейденберг, ее еще не было: «собственно символика рождается в средние века» [Там же. С. 163].

Вместе с тем **А.Ф. Лосев** (1893–1988), анализируя античную мифологию, пришел к заключению, что свойственное ей «нераздельное единство Бытия и Сознания» является «символическим, т. е. указующим на сокровенную Тайну, которая, однако, пронизывает все явное, и по форме, в своем принципе, – диалектическим». Однако оно при этом теряет субъективность и представляет собой «естественный результат общеприродного развития» [9. С. 24] и «уже некое онтологическое устройство самого Первобытия» [10. С. 109] как «вещественно-жизненной реальности» [11. С. 64].

В этом контексте примечателен также следующий факт. Еще в 1918 году А.Ф. Лосев фактически начал статью «Русская философия» с утверждения, согласно которому «почти вся русская философия являет собой до-

логическую, до-систематическую или, лучше сказать, сверх-логическую, сверх-систематическую картину философских течений и направлений» [12. С. 68]. Параллельно подчеркивалось, что это «философия цельной жизни духа, а не отсеченного интеллекта, не отвлеченного рассудка» и что «она представляет собой чисто внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям, а только в символе, в образе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности» [Там же. С. 71–74].

Как последователь отечественной философской школы Всеединства (В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков) А.Ф. Лосев видел в Православии целостное единство духовного опыта, принятого вероисповедания и личностного бытия. Поэтому «для него все реалии православного церковного жизнеустройства и даже вещество – ладан, масло, тип освещения – находятся в самой тесной связи с глубинными интуициями и догматическими основаниями православного мироощущения» [13. С. 709]. Так, к числу основополагающих А.Ф. Лосев относил три концептуальные триады: «Власть – Ведение – Любовь», «Довление – Мудрость – Святость» и «Добро – Истина – Красота» [14. С. 267].

Что же касается символической диалектики слова, а следовательно, и языка, то она состоит в том, что включает в себе некую Тайну, которая устанавливает смысловую связь с окружающим ее бытием и таким образом приближает к Всевышнему. Однако «Тайна есть *то, что по самому существу своему никогда не может быть раскрыто*. Но она может *являться*». И далее: «Явление тайны не есть уничтожение и разрешение тайны, но есть только такое ее состояние, когда она ясно ощутима, представима, мыслима и сообщима – притом сообщима именно *как тайна же*» [15. С. 337].

В итоге первобытное чувственно-эмоциональное восприятие одухотворяемой природы и ритуальное почитание тотемов-первопредков способствовали постепенному переходу палеолитического человека от полустадного существования к общению. При этом изначальный синкретизм восприятия и осмысления обусловил сакральное миропонимание и знаково-символическую природу слова, а на этой основе – и целостную образно-смысловую картину реальности, изначально заключавшую в себе некую тайну. Как писал А.Ф. Лосев: «Все дальнейшее есть лишь степень самосознания Ума. Высшее самосознание – в звездах <...>. Далее идут – человеческая душа, животная и растительная душа. И весь мир, таким образом, есть как разная степень Идеи, Ума, так и разная степень и иерархия самосознания, самосозерцания» (цит. по [16. С. 129]).

Что же касается языка и речевого взаимодействия, то на их основе постепенно формировались общественные отношения и средства воздействия на поведение других. При этом дуальная природа человека, сознающего не только свою отдельность, но и принадлежность к конкретной племенной общности становилась стимулом для развития сакрально-эстетического восприятия окружающей реальности, а на этой основе – языка и культуры.

И здесь перед нами встает еще более сложный вопрос: куда уходят корни языка и в чём заключается тайна слова?

Эволюция сознания и языка: теории антропогенеза Б.Ф. Поршнева

Большой вклад в изучение первобытного этапа внесли такие сравнительно новые области науки, как палеопсихология, палеоантропология и палеокультурология. Что же касается теоретического осмысления генезиса человеческого сознания и языка, то в рамках статьи ограничимся палеопсихологической теорией антропогенеза **Б.Ф. Поршнева** (1905–1972), который начал ее разрабатывать еще в 1920-е годы, а к вопросам, связанным с *Homo sapiens*, приступил только в 1950-е годы. Однако подготовленная им к печати рукопись вызвала резкие возражения редакции, обвинившей автора в ревизии марксистской трудовой теории формирования человека и принятой концепции антропогенеза. В результате книга «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)», которую автор считал главной в своей научной деятельности, вышла в сокращенном варианте уже после его смерти в 1974 году. Полный текст авторской рукописи был опубликован только в 2007 году.

Согласно сделанным выводам, первобытное сознание развивалось под стимулирующим воздействием базовой потребности в выживании и взаимодействии. А собственно язык как система сигналов формировался с начала каменного века, то есть примерно до 10-го тысячелетия до нашей эры в силу необходимости отличать «своих» от «чужих» с целью остановить или предотвратить потенциально опасные действия. Однако «слово на первых порах играло ничтожную роль и имело не столько смысловой характер, сколько характер ритмического сигнала, осуществляемого с помощью звука (выкрик)» [17. С. 44]. Тем не менее это способствовало постепенному языковому «овнешнению» (М.М. Бахтин) сакрального мира природы и унаследованного почитания предков- тотемов.

Занимаясь изучением происхождения языка, Б.Ф. Поршнева обосновал особую роль суггестии (внушения) и тактильных ощущений, которые не только воздействовали, но и стимулировали речевую деятельность и эмоционально-чувственную память [17. С. 430–431]. Так в процессе «языковлечения» была выделена начальная степень суггестии и соответствующая ей языковая диада *нельзя–можно*, которая позднее была дополнена третьим членом: *нельзя–можно–должно* [Там же. С. 441].

Что же касается первых слов, то они, согласно **В.И. Абаеву** (1900–2001), были соотносимы с местоимениями *мы / наши* и *не-мы / не-наши* [18. С. 13–14], которые позднее также составили триаду: *мы* ‘родственники’ – *свои* ‘породнившиеся при заключении брака’ – *чужие* ‘потенциально враги’ [19. С. 217]. Таким образом, в развитии языка постепенно проявлялась тенденция дополнения антонимичной диады сбалансированной, гармоничной триадой.

В этом контексте необходимо также обратить внимание на следующий факт. Человек, вошедший в историю полтора-два миллиона лет назад, уже

обладал «рукой, способной производить орудия, пусть предельно элементарные, но свидетельствующие об основном комплексе человеческих социально-духовных качеств» [17. С. 12]. Вместе с тем ни разум человека, ни его способность к самопознанию, ни употребление орудий, ни речь, ни эстетическое чувство «не представляют собою специфического достояния человека – все это налицо у животных и все это в человеке естественный отбор лишь усилил» [17. С. 63].

Уточняя приведенную информацию, сошлемся на **Вяч.Вс. Иванова** (1929–2017), который в книге «Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему» (2004) писал о наличии средств общения у пчел, птиц, дельфинов, китов, обезьян и антропоидов, заметив при этом, что «возможность описания языка и его исследования реализована только у человека» [20. С. 15]. По мнению автора, «языки не только вероятно едины по своим истокам, но и сохраняют при всех (иногда огромных) структурных различиях некоторые общие черты, позволяющие говорить об универсальной грамматике». Но решение этой проблемы связано с молекулярной биологией и исследованиями генетически передаваемых особенностей мозга [20. С. 16].

На протяжении тысячелетий в первобытном нерасчлененном сознании чувственно-созерцательное мировосприятие и хозяйственно-орудийная деятельность еще не обособились друг от друга. А эмоциональный план был сильнее собственно содержательного и поэтому развивал эстетическую и собственно речевую потребности в самовыражении.

И здесь возникает вопрос: *как соотносятся эстетическая и речевая способности на данном этапе развития первобытного человека?*

Ел.М. Мелетинский (1918–2005), занимавшийся изучением ранних форм языка и искусства, пришел к заключению в статье «О происхождении словесного искусства» (1972), что наиболее древним является изобразительное искусство, а словесное творчество «возникло позже некоторых других видов искусства, так как его материалом, первоэлементом является слово, речь» [21. С. 52].

Что же касается рождения произведений искусства, то исследователи относят его к более раннему времени. Убедительным подтверждением этого является книга **А.П. Окладникова** (1908–1981) «Утро искусства» (1967), в которой исследуется культура палеолита, и в частности пещерные росписи, фигурки зверей, статуэтки «женщин-прародительниц», изделия из кости и разнообразные украшения, уходящие корнями «в творческую фантазию и в способность наслаждаться прекрасным – в эстетическое чувство. А они в своих первоначальных формах, бесспорно, не моложе сколько-нибудь оформленного культа мертвых и почитания зверя, не моложе магии» [21. С. 30].

Проблема «истоков художественного творчества и эстетического чувства в целом» (А. П. Окладников) получила развитие в научном творчестве **Г.Д. Гачева** (1929–2008), которого также интересовали вопросы, связанные со структурой сознания и возникновением образа как формы. А его книга «Жизнь художественного сознания» (1972), посвященная древнему человеку со свойственным ему стремлением «внесения порядка, целесообразности,

гармонии, красоты в хаос природы», стала еще одним подтверждением совершенства палеолитических пещерных рисунков, а также изделий из камня и кости. Более того, проведенный анализ свидетельствует, с одной стороны, об «эстетическом освоении мира», а с другой – о достаточно развитой речи, необходимой для передачи накопленных умений и навыков новым поколениям. В результате Г.Д. Гачев обосновал положение, согласно которому в дошедших до нашего времени артефактах «таится глубокая научно-теоретическая истина о том, что самые первые проявления труда и сознания человека имеют *прямое отношение к эстетической проблеме*» [23. С. 29, 4].

В 2012 году концепция эстетических истоков сознания и деятельности получила убедительное подтверждение в докторском исследовании В.С. Ежова на тему «Архетипические основания эстетического сознания» (2012 г.). А на основе выявленных формальных признаков эстетического (гармония, симметрия, ритм, пропорция, соразмерность, своевременность, целесообразность и целостность) был доказан «онтологический статус эстетического сознания как феномена» и раскрыта «родовая сущность человека» [24. С. 5]. В подтверждение сошлемся на результаты исследований древнейшей Денисовой пещеры на Алтае, где был открыт новый подвид *Homo sapiens*: «денисовский человек» (*Homo sapiens altaiensis*) и найдены артефакты, которые свидетельствуют о «высокоразвитых когнитивных способностях» и о «материальной и духовной культуре высокого уровня» денисовцев [25. С. 15].

Слово как ключ к изучению человека и окружающей его реальности

Возвращаясь к гумбольдтианскому философско-лингвистическому пониманию языка, приведем два фрагменты из эссе П.А. Флоренского «У водоразделов мысли» (1919–1926), в которых оно получило дальнейшее развитие.

«В Священном Писании аналогия слова и семени – одна из самых настойчивых, равно и во всей мировой, более или менее глубокой человеческой мысли. Гомологическим строением нашего организма объясняется глубокая связь рождения физического и духовного». Поэтому «словом и чрез слово познаем мы реальность, чрез слово мы проникаем в энергию ее сущности, с глубочайшей убежденностью постигнуть тем самую сущность» [26. С. 324].

Так в слове соединяются «две энергии, реальности и познающего», следовательно, «оно не есть уже ни та, или другая энергия порознь, ни обе вместе, а новое двуединое энергетическое явление, новая реальность в мире», основанная на метафизическом принципе целостности. При этом слово одновременно превращается в символ как выражение креативных способностей человека, достигшего «духовного переживания полноты» и «единства всей твари в Боге» [Там же. С. 291–292].

Более того, в унаследованной славяно-русской и древнерусской традиции «слово является не только смыслом, но и вместилищем энергии, орудием, проводником» божественных сил [27. С. 233]. Так писал С.Н. Булгаков (1871–1944), развивая учение о метафизической сущности Абсолюта и мира как о «двух неравных реальностях» (Бога и мира), полагая, что «всякий человек

есть воплощенное слово, осуществленное имя, ибо сам Господь есть воплощенное Слово и Имя» [Там же. С. 270]. Поэтому слово нужно «понимать не лингвистически, что было бы просто бессмысленно, но мистически» [Там же. С. 313].

Каким же образом это метафизическое знание передается новым поколениям носителей языка?

Проблема изоморфизма «оформления структур языкового механизма по модели генетического кода» интересовала и Р.О. Якобсона (1896–1982). Согласно его пониманию, «все языки обладают одинаковой иерархией единиц и значений», поскольку в их основе лежат принципы молекулярной генетики. Следовательно, биологической является не только структура языка, но и сам «язык, то есть способность понимать язык, усваивать язык, использовать язык». При этом наложение лингвистического кода на генетический, а также копирование структурных принципов осуществлялось в условиях «бессознательного владения живым организмом знанием характера и структуры последнего» [28. С. 210–213].

В итоге был сделан важный вывод: генетический код как первичное проявление жизни и язык как всеобщее достояние человека, обеспечившее его цивилизационное развитие, – это два фундаментальных хранилища информации, которая передается из поколения в поколение. Поэтому молекулярная наследственность (heredity) и вербальное наследие (legacy) – необходимое предусловие культурной традиции [28. С. 52], в основе которого лежит метафизический принцип симметрии.

Так, согласно М.М. Маковскому (1930–2017), генетический код сравним с «азбукой возможных и невозможных комбинаций языковых типов как друг с другом, так и между собой» [29. С. 17]. Возникающая при этом совокупность различных энергий «предопределяет возможную структуру языка, возможные и невозможные пути его развития и является основой для самого существования языка. Именно баланс энергий, а не связи, лежит в основе целостного языка как феномена культуры и коммуникации» [Там же. С. 17 и 184-185]. В результате изучение изоморфизма генетического и языкового развития, а также онтогенеза слова в индоевропейских языках позволило М.М. Маковскому разработать концепцию «языкового гена» и различных языковых преобразований сквозь призму собственно генетических феноменов.

Что же касается идеи общности структур языкового механизма и генетического кода, то она получила подтверждение в исследованиях по молекулярной генетике. В частности, С.В. Петухову удалось доказать, что генетический «словарь» включает 64 «слова», из которых и складывается химический «текст» [30. С. 256-257].

Особое значение для рассматриваемой проблематики приобретает концепция структурно-семиотического анализа С.Т. Золяна и следующий из нее вывод: «Генетический код – не есть нечто извечно и неизменно существующее („Язык бога, язык жизни“), из которого затем происходит все живое, а сам есть продукт эволюции». Поэтому возникающие синхронические и

диахронические варианты генетического кода постепенно сближаются с принципами организации естественного языка [31. С. 182].

Сделанное открытие возвращает нас к П.А. Флоренскому, который провидчески писал: «В семени есть и своя морфема, и своя фонема, и своя семема: это – слово, устанавливающее генеалогическую связность преимущественно со стороны человеческой усии» [26. С. 272], то есть сущности. В этом, как представляется, заключается великая Тайна и сущностный потенциал русского языка, уходящего корнями вглубь веков.

Вспоминая В.В. Колесова (1934–2019), приведем его высказывание из книги «Жизнь происходит от слова...» (1999): «Не мы живем в языке, как думают многие, а язык живет в нас. Он хранит в нас нечто, что можно было бы назвать интеллектуально-духовными генами, которые переходят из поколения в поколение» [32. С. 137]. А в более поздней работе данное понимание было уточнено: «вкорененная на ментальном уровне генетическая сила – концептуальная по существу – предохранит культуру в ее идентичности» [33. С. 42].

Действительно, унаследованный сакральный код – это установка на эстетическое мировосприятие, духовное развитие и космизацию как способ перехода от хаоса к гармоничному космосу. Следовательно, расцвет древнерусской культуры обязан укорененному в языке «символизму идеальному, умному, духовному» (А.Ф. Лосев). А Православный космос предопределил «принцип онтологического возвышения языка», который имеет своим методологическим следствием признание приоритета жизни по отношению к знанию, поскольку сама жизнь выступает «как действенная сила нашего спасения» [33. С. 137].

Будем надеяться, что развивающаяся теoантропокосмическая парадигма познания постепенно оттеснит антропоцентрическую, в фокусе внимания которой человек как «венец всего живущего», и приступит к развитию науки на фундаменте «целостных знаний о Боге, человеке и мире» [34].

Литература

- [1] *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 264–389.
- [2] *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. Москва : Прогресс, 1984. С. 234–297.
- [3] *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. Москва : «Русский язык», 1976. 1095 с.
- [4] *Лосский Н. О.* История русской философии. Москва : Прогресс, 1994. 460 с.
- [5] *Сигал К. Я.* Сочинительные конструкции в тексте : опыт теоретико-экспериментального исследования (на м-ле простого предложения). Москва : Гуманитарий, 2004. 404 с.
- [6] *Кассирер Э.* Философия символических форм. Том 1. Язык. Москва; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. 271 с.
- [7] *Флоренский П. А.* Философия культа. Москва : Мысль, 2004. 685 с.

- [8] *Фрейдберг О. М.* Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.
- [9] *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: в 2 кн. Книга 2. Москва : Искусство, 1994. 608 с.
- [10] *Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. Москва : Мысль, 1993. 960 с.
- [11] *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. Москва : Мысль, 2001. 558 с.
- [12] *Лосев А. Ф.* Русская философия // Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. Москва : Советский писатель, 1990. С. 68-101.
- [13] *Постовалова В. И.* Теолингвистика. Истоки. Основания. Концепты. Москва : Издательство Братства святителя Алексия, 2022. 1048 с.
- [14] *Лосев А. Ф.* Абсолютная диалектика – абсолютная философия // Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность / сост. А.А. Тахо-Годи ; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. Москва : Мысль, 1994. С. 263-298.
- [15] *Лосев А. Ф.* Самое само // Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность / сост. А. А. Тахо-Годи ; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. Москва : Мысль, 1994. С. 299–526.
- [16] *Лосев А. Ф.* Античный космос и современная наука. Москва, 1927.
- [17] *Абаев В. И.* Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка, Постановка проблемы // Абаев В. И. Избранные труды: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. М. Гусалов. Владикавказ : Ир, 1995. 724 с.
- [18] *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. Москва : Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
- [19] *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
- [20] *Мелетинский Е. М.* О происхождении словесного искусства // Первобытные истоки словесного искусства. О происхождении словесного искусства // Ранние формы искусства. Москва : Искусство, 1972. С. 149–189.
- [21] *Окладников А. П.* Утро искусства. Л.: Искусство, 1967. 135 с.
- [22] *Лосев А. Ф.* Философия имени. Москва : Академический проект, 2009. 300с.
- [23] *Гачев Г. Д.* Жизнь художественного сознания : Очерки по истории образа. Москва : Искусство, 1972. 200 с.
- [24] *Ежов В. С.* Архетипические основания эстетического сознания: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Рос. гос. ун-т туризма и сервиса. Москва, 2012. 38 с. 2012.
- [25] *Деревянко А. П.* Три глобальные миграции человека в Евразии. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. Т. VI, ч. 2: Расселение денисовцев и неандертальцев в Южной Сибири. 808 с.
- [26] *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. Часть первая. Москва : Правда, 1990. 448 с.
- [27] *Булгаков С. Н.* Философия имени. Санкт-Петербург : Наука, 1998. 448 с.
- [28] *Якобсон Р.* Язык и бессознательное / пер. с англ., фр., К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе. В. Шеворошкина; сост., вст. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. Ф. Успенский. Москва : Гнозис, 1996. 248 с.
- [29] *Маковский М. М.* Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. Москва : Изд-во ЛКИ, 2019. 206 с.
- [30] *Петухов С. В.* Матричная генетика, алгебры генетического кода, помехоустойчивость. Москва : РХД, 2008. 316 с.
- [31] *Золян С. Г.* Генетический код: грамматика, семантика, эволюция // МЕТОД : Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2018. С. 130–184.
- [32] *Колесов В. В.* Жизнь происходит от слова. Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. 368 с.

- [33] Колесов В. В. Языковые основы русской ментальности: учебное пособие / В. В. Колесов, М. В. Пименова ; отв. ред. М. В. Пименова. 5-е изд., стер. Москва : ФЛИНТА, Наука, 2017. 136 с.
- [34] Иванов Е. Е., Маслова В. А., Мокиенко В. М. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси. Москва : РУДН, 2022. 406 с.

DOES LANGUAGE HAVE ITS OWN SECRET?

T.E. Vladimirova*

RUDN University

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The focus of this article is the search for an answer to the eternal question about the secret of the origin of language, which involves examining its deep layers, as well as culture and metaphysical reality. This required turning, on the one hand, to the methodology of studying primitive consciousness, thinking and worldview, and on the other, to the patristic tradition, which had a huge influence on the formation of culture and the Russian linguistic personality. Particular attention in the work is given to the latest research, which brings us closer to solving this centuries-old mystery. The undertaken study of the sacred, historical, cultural and spiritual context of the evolution of language and metaphysical reality based on the data of anthropology, ethnography, archeology, paleopsychology, paleocultural studies, linguogenetics and theolinguistics leads to the conclusion about the fruitfulness of the beginning of the transition from the anthropocentric to the theoanthropocosmic paradigm, which restores the integrity of the spiritual reality inherited with the Russian language and culture.

Keywords: language, culture, philosophy, reality, Orthodoxy, spiritual, evolution

* E-mail: yusvlad@rambler.ru